

MEMORIA

Н. А. Хачатурян

Ю. П. МАЛИНИН: ТВОРЧЕСТВО В ПАРАМЕТРАХ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ

В сборнике по материалам конференции, посвященной памяти Ю. П. Малинина (30–31 мая 2016 г.), настоящая статья предполагает историографический экскурс в его творчество. Решение подобной задачи оказывается отнюдь не простым по ряду обстоятельств. Будучи современником Юрия Павловича, относительно близко знавшим его, я все-таки остаюсь коллегой из Москвы, не имевшей опыта каждодневного рабочего и человеческого общения с ним. То, что еще живет в глазах современников образ Юрия Павловича, талантливого профессионала-историка, очень привлекательного своими качествами доброжелательного и деликатного, чуждого интригам, ответственного в дружбе, в отношении к своим родным, учителям и коллегам человека, оправдывают мое намерение решить поставленную задачу не в форме сухого академического анализа, но в попытке оценить и передать субъективное видение новаций и традиций в его творчестве в контексте движения исторической мысли.

В название статьи неслучайно вынесены ключевые слова, «пространство» и «время», подчеркивающие значение этих понятий в жизни любого человека, тем более историков, для которых они номинируют исходные принципы научного анализа. Однако в данном случае я имею в виду непреломные в жизни любого человека факты: мы не выбираем Место и Время рождения, подобно тому, как при рождении не выбирают родителей.

Историки, вся жизнь или часть творческой жизни которых пришлась на послереволюционный период в России XX в., должны

были ответить на вызов, который посылало Время, в частности благодаря марксизму, обретшему форму политизированной официальной методологии. Это обстоятельство не могло не отразиться на историческом знании, в частности, в той его области, которая интересовала Юрия Павловича — анализе сферы духовной жизни средневекового общества. Претензии на научно-административный диктат и монополию мировоззрения законсервировали и исказили достижения марксизма. Показателями стали неизбежная в этих условиях схематизация в толковании принципов комплексности и системности в развитии исторического процесса, а также консервация свойственных любой методологии лимитов как отражение эволюции исторического сознания. Главный из них я вижу в факте иерархизации процесса системного развития — пресловутой теории базиса и надстройки, сопряженной с идеей о «вторичности» сознания. Последнее оказалось возможным при свойственном марксизму традиционном альтернативном видении проблемы соотношения материи и духа.

Вызов обществу (в частности, научному сообществу историков), не исключая возможности ответа. Поиски которого, если они случались, и составили потенциал отечественных исторических знаний периода, причем не только в области экономической и социальной истории, но и «неактуальной» тогда политической истории (проблемы средневековой государственности), но и истории средневекового сознания и культуры. Реализуемые в известной мере, «вопреки» идеологическим и методологическим установкам, многие научные задачи решались благодаря использованию объективных факторов в эволюции исторических знаний, в частности решаемого с трудностями вопроса об отношении к преемственности с дореволюционным историческим знанием, включая труды отечественной культурологической школы конца XIX — начала XX в. Время специализации — далекое средневековье — уводило нас от острых политизированных научных сражений. Фактор связей с западноевропейской медиевистикой можно было ослабить, но не разорвать окончательно в силу природы нашей специализации — *западное* Средневековье. Наконец, сложность специализации препятствовала научной легковесности или спекуляции. Пожалуй, самым важным оказалось действие принципа саморазвития науки, отражаю-

щей общий процесс развития человечества, его знаний и сознания, и позволяющей науке сохранять свою автономию в обществе.

К вышесказанному следует добавить политическую эволюцию нашего общества, заметными вехами в которой стали постановления 1934 г. о преподавании истории в школе, Великая Отечественная война 1941–1945 гг. и ее последствия, частично изменившие духовный климат в обществе и в известной степени подготовленные процессы «оттепели» в стране.

Подтверждением справедливости вышесказанных соображений являлось не погибшее в отечественной медиевистике изучение духовной истории в Западной Европе эпохи Средневековья, причем не только в сфере истории культуры, к тому же в секуляризированной форме культуры Возрождения, но и сознания в свойственной ему полноте переплетения религиозного и светского начал.

Именно такая форма духовной культуры волновала Ольгу Александровну Добиаш-Рождественскую, первую женщину-медиевиста, доктора исторических наук и члена-корреспондента РАН, автора работ по истории католической церкви, монашества и культа святых. Она испытывала весьма серьезное давление со стороны правительственных чиновников и научной администрации. В частности, последние, путая марксистскую методологию с политологией, упорно рекомендовали ей перевести оценку Крестовых походов в контекст клановых противоречий в средневековом обществе, тогда как ученого интересовало духовное сознание и психология участников движения — воинов-рыцарей, рыцарей-монахов, сельской и городской бедноты, которые искали в этих походах не только возможность обогащения, но и духовного спасения.

Глубокий интерес к духовной культуре и религиозному сознанию отразили рукописные материалы С. Д. Сказкина с комментариями работ западноевропейских специалистов XIX–XX вв. в области теологии, переводами авторских текстов, посвященных средневековому мирозерцанию и анализом трудов средневековых философов. Материалы были положены в письменный стол, получив частичное отражение в спецкурсе «Средневековая культура в Западной Европе», который С. Д. Сказкин читал в МГУ, и их частичной публикаций в издании архивного наследия ученого

уже после его ухода¹. Возможность для его ученицы Н. А. Сидоровой в конце 1940-х – начале 1950-х гг. обратиться к проблемам рационализации религиозной теологии в творчестве П. Абеляра была обеспечена фактом острых противоречий философа с католической церковью, а также впечатляющей мобилизацией автором цитат, подтверждавших интерес и высокую оценку классиками марксизма проблем сознания — особенность «методических приемов» того времени, понятная только современникам².

Е. А. Косминский в письме к Е. В. Гутновой в августе 1941 г. (!), находясь в эвакуации, пишет о необходимости не только излагать и объяснять историю, но и «понимать и чувствовать ее», открыто декларируя таким образом иной принцип познания, нежели диктуемый позитивистской «теорией отвращения», в плену которой оставался отечественный марксизм XX столетия³.

«Социальный подход» в оценке политической и духовной истории, ставший достижением исторической европейской мысли XIX в. и сохранивший свои позиции в отечественной медиэвистике в условиях кризиса XIX – начала XX в. благодаря марксизму позволил С. Д. Сказкину и М. М. Смирину обратиться к изучению социальной природы средневековых ересей и Реформационного движения, не закрыв для них возможностей анализа взглядов Дольчино, философских представлений М. Лютера, Т. Мюнцера, теорий немецких мистиков⁴.

Непредсказуемый Б. Ф. Поршнев, умевший поражать воображение современников, включая медиэвистов, не только поисками снежного человека, но и серьезным академическим исследованием Фронды во Франции, провоцировал в течение ряда лет дискуссии о роли классовой борьбы, в которых коллегам, не без опасений быть заподозренными в отступлении от марксизма, приходилось

¹ Сказкин, С. Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в Средние века. М., 1981.

² Сидорова, Н. А. Очерки по истории ранней городской культуры во Франции. М., 1953.

³ Письма Е. А. Косминского к Е. В. Гутновой (1941–1959 гг.), В кн.: *Новая и новейшая история*. 2002. № 1. С. 113–129.

⁴ Сказкин, С. Д. Избранные труды по истории. М., 1973; Смирин, М. М. Германия эпохи Реформации и Великой Крестьянской войны. М., 1962.

как раз защищать учение К. Маркса от одного из самых «верных» его адептов, как казалось ученому. Но и он в 1966 г. публикует монографию на тему «Социальная психология истории» — первую серьезную попытку обозначить тему в качестве специальной проблемы в отечественной медиевистике того времени.

Наконец, Е. В. Гутнова в начале 1960-х гг. публикует свои первые статьи, посвященные *общественному* сознанию средневекового крестьянства. Работа получает завершение с уже продуманной концепцией проблемы, на материалах ряда стран Западной Европы⁵.

Я оставляю в стороне оценку неизбежных для того времени методологических просчетов в упомянутых работах, так как это потребовало бы специального анализа, уводя от основной темы статьи.

Тем не менее в контексте интересующей нас главной темы в творчестве Ю. П. Малинина, которой, на мой взгляд, является тема средневекового сознания, упомянутые работы внесли свой вклад в подготовку радикальных изменений в отечественной науке уже в 1970–1990-е гг. Они начались в медиевистике как раз в сфере истории культуры и сознания. Именно она на какое-то время стала ведущей областью в процессе обновления отечественной науки к середине 1970-х гг., получив подкрепление в сфере политической и социальной истории. Знаком этого процесса стала открытость отечественного знания мировой исторической и философской мысли.

Начало профессионального взросления Ю. П. Малинина совпало со временем первых радикальных перемен в науке и обществе, создавая дополнительные трудности — в частности, благодаря отсутствию у него жизненного опыта. И хотя выбор им основной цели в научном творчестве и путь к ее реализации был осознанным, он оказался непростым, потребовав от него — недавнего школьника (выпуск 1964 г.), затем студента и аспиранта Исторического факультета ЛГУ, а впоследствии молодого преподавателя в университете в Сыктывкаре — незаурядной силы воли. Время становления собственно историка-профессионала шло под знаком проб и ошибок, связанных с ними перемен: сначала уход после года учебы из Ленинградского политехнического института ради поступления

⁵ Гутнова, Е. В. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе XI–XV вв. М., 1984.

на Истфак на кафедру истории Средних веков ЛГУ. Далее — смена специализации: от работы по изучению экономической истории Лангедока в XVI в. под руководством А. Д. Люблинской, блестяще защищенной им в качестве дипломного сочинения в 1970 г. к желанию заниматься в аспирантуре социальной психологией. За этим последовало взвешенное решение А. Д. Люблинской, предложившей начать творческий путь с изучения исторического сознания в творчестве французского автора XV в. Филиппа де Коммина в качестве более спокойного варианта предварительного решения вопроса, связанного с задуманной им сложной специализацией.

Не защищенная в срок диссертация вынуждает Юрия Павловича уехать на преподавательскую работу в Сыктывкар в 1973 г., где он продолжает перевод мемуаров де Коммина и работает над диссертацией, углубляя свой профессионализм, благодаря успешному опыту своей педагогической деятельности.

Далее, в 1977 г., следует блестящая защита в ЛГУ его кандидатской диссертации, с благословением его на начало нового этапа в жизни оппонентами, известными учеными — историком Ю. Л. Бессмертным и палеографом Т. П. Вороновой. Благодаря усилиям последней стало возможным его возвращение в Ленинград, в Рукописный отдел Государственной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, а позже, в 1979 г., на кафедру истории Средних веков родного Истфака ЛГУ. Последние два события вернули Юрию Павловичу необходимую для плодотворной научной деятельности цельность в условиях его жизни и работы.

Вторая половина 1970-х гг. открыла период активных исследований Ю. П. Малинина, отразивших очевидную особенность его как ученого. Я бы назвала ее «тройственной природой» творчества ученого. В моем видении, свое основное научное предназначение Юрий Павлович воплотил в качестве специалиста в области духовной истории западноевропейского средневекового общества на материалах, главным образом, истории Франции XIII–XV вв.

Второй ипостасью его творчества стали палеография и архивистика — область знаний, в которой он овладел «высшей технологией» в работе с рукописями, завершившей цельность профессиональной подготовки историка-медиевиста. Для этого он прошел под руководством и в сотрудничестве с крупными отечественными

специалистами А. Д. Люблинской, Т. П. Вороновой, Л. И. Киселевой великолепную и единственную по своему научному уровню в стране школу латинской палеографии в Ленинграде, созданную О. А. Добиаш-Рождественской. Он стал архивистом-практиком, опытным научным сотрудником и руководителем сектора западных рукописей в Рукописном отделе Государственной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, источниковедом высшей квалификации, дешифрующим и публикующим средневековые рукописи. Эта сторона его деятельности была хорошо известна западным коллегам, получила их признание и в ряде случаев реализовалась в совместной с ними работе. В списке опубликованных работ Юрия Павловича упоминается статья, посвященная рукописи Абеляра «Толкование на псалмы» в собрании Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина⁶; издания на французском и немецких языках статьи с репрезентацией рукописи, в которой дается описание джостры 1446 г. в Сомюре⁷, а также сведения, отразившие его участие в больших коллективных публикациях из коллекции Петра Дубровского — маргиналий Вольтера⁸, и «Каталоге писем и смен государственных и политических деятелей Франции XV в.» (транскрипция, примечания, редактирование)⁹.

⁶ Рукопись «Толкования на псалмы» П. Абеляра в собрании Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, В кн.: *Музеи в атеистической пропаганде*, 1980. С. 112–115.

⁷ Malinin, Y. P. Das Werk «Le pas de Saumur von 1446» und sien Autor, in: *Das Turnierbuch für René d'Anjou: Vollständige Faksimile-Ausgabe im Originalformat der Handschrift Codex Fr. F. XIV. Nr. 4 der Russischen Nationalbibliothek in St. Petersburg* / Hrsg. von Y. P. Malinin, T. P. Voronova, et al. Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt, 1998. Bd. 1. S. 11–26; Malinin, Y. P. Le «Pas de Saumur» (1446) et l'auteur de sa relation poétique, in: *Porche: bulletin de l'Association des Amis du Centre Jeanne d'Arc-Charles Péguy de Saint-Pétersbourg*, 2000. Vol. 6; Malinin, Y. P. Le «Pas de Saumur» (1446) et l'auteur de sa relation poétique, in: *Porche: bulletin de l'Association des Amis du Centre Jeanne d'Arc-Charles Péguy de Saint-Pétersbourg*, 2000. Vol. 6. P. 26–46.

⁸ Примечания № 32, 33, 35, 36, 88–92, 115–117, 128, 130–134 в Corpus des notes marginales de Voltaire. Berlin. T. 4: G–K.

⁹ Воронова, Т. П. Каталог писем государственных и политических деятелей Франции XV века из собрания П. П. Дубровского / Под ред. Ю. П. Малинин. СПб., 1993.

Третья, более скромная, но весьма полезная и тоже свидетельствующая о профессионализме сторона творческой деятельности автора представлена его переводами западноевропейских источников (Кристины Пизанской¹⁰, Гуго Сен-Викторского¹¹; редактирование переводов) и трудов зарубежных медиевистов, в основном авторов XX столетия (О. Тьерри, А. Люшера, Ж. Дюби, Ф. Контамина, Ж. Ле Гоффа, А. Гарро, Ж. Флори, Р. Перну).

Специфика творчества Юрия Павловича Малинина в целом мне представляется удачным поводом еще раз вспомнить о значении фактора пространства в жизни историка, в данном случае сузив его границы до мест его рождения, учебы и работы.

Память сохранила детские впечатления Юрия Павловича от строгой конструкции Выборгской крепости в городе его рождения, спровоцировав рано возникшее и волнующее его ощущение «другого», отличного от привычных образов окружавшей реальности. Очевидно, этот интерес к «другому» многократно усилил Петербург — самый «западный» из городов нашей страны, берущий в плен своим имперским величием, мистической красотой планировки, ландшафтом естественного союза воды, камня и архитектуры зданий. Бесспорно, что самой значимой и конструктивной для творчества Юрия Павловича особенностью Петербурга стало его качество главного центра по хранению и изучению рукописного наследия средневековой западноевропейской цивилизации, а также потенциал научных университетских кадров. Однако выбор им в качестве главного объекта своей исследовательской работы и успешное решение проблемы средневекового сознания — религиозного, этического, общественного и политического — продемонстрировали и подчеркнули значимость для историка не только умения анализировать, используя возможность разума, но чувствовать исторический процесс,

¹⁰ *Кристина Пизанская*. Из книги «О Граде Женском» / Под ред. Ю. П. Малинин, В кн.: «Пятнадцать радостей брака» и другие сочинения французских авторов XIV–XV веков / Отв. ред. Ю. Л. Бессмертный. М., 1991. С. 218–256.

¹¹ *Гуго Сен-Викторский*. Семь книг назидательного обучения, или Дидаскаликон / Под ред. Ю. П. Малинин, В кн.: *Антология педагогической мысли христианского Средневековья* / Отв. ред. В. Г. Безрогов, О. И. Варьяш. М., 1994. Т. 2. С. 49–93.

не теряя в хитросплетениях эпистемологии живого понимания своей сопричастности ему.

Научный вклад Юрия Павловича Малинина в медиевистику в виде опубликованных больших работ составили реализованное им научное издание вышеупомянутого нами перевода с комментариями и анализом исторических воззрений Ф. де Коммина¹², а также монография на тему «Общественно-политическая мысль позднесредневековой Франции», завершенная им в общих позициях к 1991 г. и получившая рекомендацию научного сообщества к защите в качестве докторской диссертации, с учетом некоторых доработок, в частности формального характера.

Впервые монография была опубликована в 2000 г.¹³ и переиздана в 2008-м, уже после ухода Юрия Павловича в 2007 г.

Ценность его первой большой работы составил уровень научного профессионализма автора в деле публикации средневековых текстов, который характеризовали великолепный язык, точность перевода, его соответствие тексту оригинала, научный комментарий и оценка творчества и личности Филиппа де Коммина¹⁴. Тема исторического сознания была относительно традиционной

¹² *Филипп де Коммин*. Мемуары / Отв. ред. Ю. П. Малинин. М., 1986.

¹³ *Малинин, Ю. П.* *Общественно-политическая мысль позднесредневековой Франции XIV–XV вв.* СПб., 2000. Осталась неясной причина незащищенной Ю. П. Малининым докторской диссертации, которую ожидала научная общественность. Стало ли это уступкой стечению обстоятельств, которые Юрий Павлович не сумел преодолеть? Или решение явилось результатом свободного выбора человека, мотивы которого лежат в этом случае в пространстве его жизненных установок и, конечно, эмоций? Второе предположение — с учетом личных качеств Юрия Павловича — кажется предпочтительным: он принадлежал к той категории людей, которые, условно говоря, «не могли понимать под счастьем отвлеченный математический предел», в данном случае им оказалась вторая ступень в научной квалификации ученого. Объяснение, которое и в этом случае по-прежнему оставляет неясный конечный мотив.

¹⁴ Позднее, в 1998 г., Юрий Павлович возвращается к личности Филиппа де Коммина с анализом его дипломатической и государственной деятельности в Италии и попыткой дать психологические портреты лиц, с которыми его герою пришлось встретиться (Лоренцо Медичи, Савонарола...). См. неопубликованная им статья: *Малинин, Ю. П.* *Флорентийские связи и знакомство Филиппа де Коммина*, В кн.: *Франция в эпоху позднего средневековья: Материалы научного наследия* / Отв. ред. Ю. П. Малинин. СПб., 2008. С. 307–318.

в советской историографии. Период перехода к раннему Новому времени стимулировал акцент на проблему рационализации и секуляризации исторической мысли — в частности, в новом жанре мемуарной литературы. Вектор развития предполагал рассмотрение исторической мысли в контексте ее превращения в область не только специального, но — в дальней перспективе — уже научного знания. В его монографии «Общественно-политическая мысль...» анализ и оценка средневекового сознания получает более равновесное воплощение. Оно объяснялось особенностью подхода к решению темы. В противовес отечественной медиевистике XX столетия, представители которой в теме средневековой духовной жизни предпочитали изучать по преимуществу проблемы средневековой культуры или общественного сознания в их секуляризованных формах, 1990-е гг. добавили сюжеты, связанные с народной бесписьменной культурой и обретшей актуальность и популярность проблемой ментальности в средневековом сознании.

Ю. П. Малинин выбирал проблему этики и нравственности, пронизанную исключительным влиянием теологии на длинном этапе средневековой истории и характерную наиболее трудным процессом изживания ее влияния. Именно эту проблему Юрий Павлович сделал фокусом своей многолинейной конструкции. В известной мере он возвращался к научной позиции представителей дореволюционной культурологической школы (Гревс—Карсавин—Бицилли), оценивая теологическое сознание как данность средневековой действительности, существующей в сложной совокупности религиозных и натурфилософских компонентов, природа и соотношение которых менялись по мере развития последней.

Подобный подход к теме позволил автору создать единственный в своем роде в отечественной медиевистике XX столетия компендиум с характеристикой нравственного христианского идеала в его евангельском виде. Толкование символа веры, нравственной стороны вопроса о семи смертных грехах, бинарности христианского учения с антитезой добра и зла, пороков и добродетелей, формировании духовных ценностей, которыми должен был руководствоваться человек, — работа восполняла, таким образом, существенные лакуны в отечественной науке и образовательном

процессе отечественных медиевистов, тем более тех, кто изучал духовную и культурную историю Средневековья.

Интерес к самому явлению этики в творчестве Ю. П. Малинина носил глубоко продуманный и мотивированный характер, бесспорно выходящий за рамки задач специализации, будучи связанным с пониманием им его места и роли в обществе в целом, с присущими ему формами духовной, социальной, политической и экономической жизни. В этом контексте обращает на себя специальное внимание автора к психологическому аспекту явления, отражавшего, по его словам, «душу» средневекового человека. Ю. Л. Малинин не забыл свою мечту периода учебы в аспирантуре — изучать социальную психологию, на новом этапе своего творчества вернувшись к ней¹⁵.

Именно этику он оценивает как выразительный показатель средневекового характера сознания — ключ к сложной жизненной концепции человека того времени. Суть этой сложности в обратной и точной форме объяснил философ II в. Плотин: «Души вынуждены походить на амфибии — они живут частично жизнью высшего мира, частично — жизнью нашего...»¹⁶. Согласно логике христианского учения, ставшего одной из мировых религий, выход из этой трудной ситуации таился в возможностях и способностях человека к внутреннему преобразованию, точнее совершенствованию своей сущности. Автор подводит нас к выводу о том, что решение подобной трудной задачи в его «манере жить», в свою очередь, предполагало соблюдение христианских принципов этики. Именно это должно было сообщить последней исключительную значимость.

Ю. П. Малинин кратко, но убедительно назвал источник силы христианской идеей личной ответственности человека за свое

¹⁵ Дополнительным свидетельством этого факта стала неоконченная и неопубликованная им статья, написанная в начале 1970-х гг. с попыткой редкого для него историографического анализа творчества высоко ценимых им современников — французских ученых Ж. Дюби, Ж. Ле Гоффа, Р. Мандру: Малинин, Ю. П. Проблемы исторической психологии в современной французской историографии, В кн.: *Франция в эпоху позднего средневековья: Материалы научного наследия* / Отв. ред. Ю. П. Малинин. СПб., 2008. С. 319–327.

¹⁶ Адо, Р. Плотин, или Простота взгляда / Под ред. Е. Штофф. М., 1991. С. 71.

спасение. Задача, в решении которой тот мог рассчитывать только на помощь со стороны Бога и церкви в виде заветов религиозного учения. Научным достижением в монографии Юрия Павловича является разработка им в контексте средневековой этики идеи «совета», ставшей нормой в поведении людей того времени и воспринимаемой ими в качестве «Наставления и поучения», «совета с самим собой» и «помощи». Автор рассматривает норму в контексте лингвистического и мировоззренческого анализа, объяснив ее значимость теологическим сознанием человека, который не мнил свою жизнь вне помощи Бога, и оценив ее внутреннюю связь с добродетелью *смирения* и в качестве залога успеха в земных делах. Конкретизировав формы воплощения этой нормы в жизни монахов и духовенства, нобилитета и простолюдинов, автор отмечает ее жизнеспособность по преимуществу в эволюции политической жизни западноевропейского общества на новом витке развития (совет, реализуемый в представительных органах). Доказательства идеи исключительной роли этики в христианском сообществе, по мнению Ю. П. Малинина, получив отражение в специальной первой главе его монографии, обрели продолжение в материалах остальных разделов исследования. В них автор прослеживает и конкретно показывает тревожащее человеческое сознание воздействие ее принципов на другие сферы духовной социальной и политической жизни.

Усложняя структуру исследования, автор показал, как сама этика оказывается объектом обратного влияния процессов развития, которое переживает общество, меняя и даже разрушая многие из ее первоначальных установок. Мотором процесса становились рационализм секуляризация духовной жизни и натурфилософия, естественное и позитивное право, — набор показателей, которые автор сделал маркерами своего анализа. Возникающие благодаря им «добавления и исправления» (*addenda et corrigenda*), более или менее радикально меняли христианские жизненные ценности и этические принципы: вместо добродетелей любви, смирения и сострадания — поправки в виде культивируемых в XIV–XVI вв. публичных добродетелей, которые, по мнению Ю. П. Малинина, как оказалось, не спасали общество, в частности от последствий рационализма в виде

холодного расчета (прагматизма) или самообольщения в вопросе человеческих возможностей.

Рисуемая автором картина эволюции человеческого сообщества, лишенная иллюзий триумфального прогресса, содержала конкретные свидетельства качественных новаций в природе явлений общественного развития. На очередном витке исторического времени принципы личной, в том числе вассальной верности, сменяет явление, номинированное понятием подданства, то есть верности только государству, персонифицированному монархом; статус рыцарского достоинства в принадлежности к нобилитету сменяет условие «родовитости»; естественное чувство Родины, которое питали факты принадлежности к социальной общности, общее происхождение, язык, обычай и культура, дополняет понятие «патриотизма» в качестве нравственного долга, человека и его обязанностей перед своей этнонациональной общностью...

Научную актуальность монографии Ю. П. Малинина и ее соответствие уровню современного исторического знания демонстрирует не только проблемное содержание работы, но использованный автором исследовательский прием, который создает впечатление примененного им структурного анализа.

Каждый из разделов работы — средневековая этика, общественная и политическая мысль — пронизан структурообразующей идеей этического сознания; оценка различных форм сознания, то есть включенности в натурфилософию — эволюцию правовой, политической и социальной мысли. Использованная автором методика обеспечила цельность и стройность его научной концепции.

Монография написана в манере, лишенной сухой умозрительности или книжной учености, демонстрируя природный ум автора, оплодотворенный знаниями и способностью *чувствовать* материал. Легион средневековых авторов, которых Юрий Павлович побудил «заговорить», помогли ему в этом: от образованного обывателя, анонимного горожанина, автора «Дневника парижского буржуа XV в.», до интеллектуалов, часто государственных деятелей, — Пьера Дюбуа, Кристины Пизанской, Оливье Ля Марш, Шатлена, Алена Шартье, Жувенеля дез Юрсена.

Пополнение материалов монографии в анализе творчества Ю. П. Малинина за счет неопубликованных статей, к сожалению,

оказывается невозможным. К сожалению, так как в этих статьях, написанных уже в 1990-е гг., содержатся интересные попытки выхода автора на решение теоретических проблем (его видение особенностей западноевропейской цивилизации в канун второго тысячелетия ее существования; соображения относительно природы феодализма в качестве общественной системы). Они вызывают желание теперь уже невозможного диалога с автором, являясь импульсом, побуждающим мысль, в ряде случаев критическую. Однако незавершенность авторских попыток, согласно нормам научной этики, исключает возможность обращения к ним, тем более в рамках этой статьи, требуя специального внимания, уводя нас от основной в его творчестве проблемы и погружая в мир предположений...

Завершая анализ творчества Ю. П. Малинина в контексте традиций и новаций исторического знания на рубеже XX–XXI вв., я позволю себе оценить его научную позицию в условиях кризиса исторического знания 1970–1990-х гг. Обращает на себя внимание отсутствие реакции Ю. П. Малинина, сделанной в публичной форме и в качестве объекта специального внимания на происходящее в отечественной науке. Он последовательно купирует проблемы и темы, связанные с ломкой научной методологии у нас и за рубежом, не включаясь в дискуссии, принимавшие весьма ожесточенные формы в нашей медиевистике на деструктивном этапе кризиса. Вместе с тем очевидна осознанная приверженность ученого достижениям в историческом знании, обновленном наукой XX и рубежа XXI столетий в материалах его конкретных работ: он следует идее сопряжения эксперимента с фактом и рефлексии — воспринимает и оценивает исторический процесс в его комплексности и системности, признает высокий авторитет западноевропейской медиевистики, прежде всего французской исторической школы. Все это данность, очевидно, по его мнению, не требующая специальных рекламаций. Внимание читателя обращает на себя его отрефлексированное отношение к проблеме сознания в контексте понимания его природы в историческом знании второй половины XX века. Он видит сложную структуру сознания — его ментальный уровень в качестве обыденного сознания и уровень отрефлексированный — в письменной культуре. Изучая историю

идей он признает их укорененность в социально-экономическую жизнь. Много раз на страницах монографии он возвращается к вопросу о природе явления, подчеркивая роль сознания в процессе исторического развития. Он толкует ее исключительность не только в контексте организующей силы исторического процесса, но иницирующей этот процесс в качестве фактора, могущего опередить ситуацию. «Мыслью, — пишет он, — люди уносились к дальним горизонтам и умозрительно проделывали свой путь гораздо раньше, нежели в действительности...»¹⁷.

Эту позицию, звучавшую в конце XX столетия в отечественной медиевистике, казалось бы, в соответствии с духом времени, на мой взгляд, тем не менее, можно оценивать в качестве пока только первого шага в задаче преодоления наиболее серьезного просчета в интерпретации марксистской методологии в виде дуальной и иерархической схемы «базиса» и «надстройки». Тогдашняя оценка упускала принципиально важное, уже принятое в Западной медиевистике достижение новой философской истории XX века — преодоление альтернативы, т. е. традиционного, на протяжении многих столетий противопоставления роли материи и духа в историческом процессе — будь то в пользу идеалистической или материалистической картины мира Ю. П. Малинин не был одинок в этой ошибке — во всяком случае, в признании этого принципа в его отрефлексированном, осмысленном как научная позиция варианте. В творчестве отечественного медиевиста, крупного ученого, ставшего лидером в попытках радикального неприятия в конце XX столетия «экономизма» марксистской методологии — А. Я. Гуревича, — тоже присутствовала (правда, временно) эта незавершенность в восприятии проблемы соотношения материи и духа — его следование идее традиционной альтернативы. В научной дискуссии 1970-х гг., посвященной проблемам генезиса феодализма, Арон Яковлевич, апеллируя только к одному из возможных конкретных вариантов в процессе установления зависимости, делал однозначный вывод в пользу личностных отношений, абсолютизируя их в качестве фактора развития.

¹⁷ Франция в эпоху позднего средневековья: Материалы научного наследия / Отв. ред. Ю. П. Малинин. СПб., 2008. С. 187.

Его позицию зеркально повторили с противоположным знаком в пользу экономического фактора (потеря земли в условиях аллодиальной формы собственности) оппоненты А. Я. Гуревича. При этом «строгие» ревнителю марксизма демонстрировали плоское толкование роли экономического фактора, а стремившиеся к «мягкому» обновлению марксизма настаивали на необходимости комплексного видения процесса. Любопытно, что решение спорного вопроса лежало «на поверхности»: протекцию личной защиты, которая являлась смыслом процесса формирования личностных связей, включая социальную зависимость, не мог обеспечить общинник, владеющий одним мансом земли. Процесс генезиса феодальных отношений шел в условиях роста крупной земельной собственности¹⁸. Тогда не нашлось ни одного отечественного историка, который бы публично обратил внимание на необходимость и плодотворность преодоления бинарного мышления в процессе познания. Потребовалось несколько лет, чтобы в работе Арона Яковлевича Гуревича, посвященной «Анналам», появилась исчерпывающая формула, отразившая принципиальный прорыв в историческом знании XX в. — «материальное в духовном — духовное в материальном»¹⁹.

Жизненный и научный путь Ю. П. Малинина демонстрирует сложность процесса исторического познания, его противоречивость и замедленность в выработке ученым сообществом методологического единства. Непродолжительность этого периода «согласия» по причине неизбежных новаций или тормозящих эти новации заблуждений человеческого сознания, в частности, благодаря свойственной ему разрушительной по своим последствиям приверженности к бинарному мышлению, нежеланию услышать и тем более принять мнение другого. Тем не менее ни трудности процесса познания, ни признанный наукой факт относительности его результатов не должны обесценивать конкретную деятельность историков. Не только потому, что ее лимиты «оправдывает» фактор времени, но прежде всего потому, что именно эта деятельность обеспечивает и воплощает процесс познания с его ошибками и озарениями. Творчество Юрия Павловича Малинина оставило след на этом пути.

¹⁸ Гуревич, А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.

¹⁹ Гуревич, А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993.

Информация о статье

Хачатурян, Н. А. Ю. П. Малинин. Творчество в параметрах пространства и времени, В кн: *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2016. Вып. 2 (14). С. 9–30.

Нина Александровна Хачатурян

д. и. н., профессор кафедры истории Средних веков, Исторический факультет, Московский государственный университет (119192, Москва, Ломоносовский просп., 27, корп. 4)

УДК 001

В статье рассматривается творческий путь Ю. П. Малинина в историографическом контексте. Творческий путь Ю. П. Малинина пришелся на период господства марксизма, ставшего официальной политизированной методологией с присущей ему идеей превалирования «базиса» (материальных основ жизни) над «надстройкой» (духовной стороной). Тем не менее в отечественной историографии не погибла традиция изучения духовной истории в свойственном Средним векам переплетении религиозного и светского начал. Работы Ю. П. Малинина — славная страница в истории этой научной традиции. Хотя путь Ю. П. Малинина начался с защиты дипломной работы по экономической истории Лангедока в XVI в., уже в аспирантуре фокус интересов молодого исследователя сместился к сюжетам, связанным с социальной психологией. В 1979 г. Ю. П. Малинин защитил блестящую диссертацию, посвященную мемуарам Филиппа де Коммина. Ю. П. Малинину как ученому удалось реализоваться в трех ипостасях. По главной своей специализации он был специалистом по истории духовной культуры Франции XIII–XV вв., однако значительных результатов ему удалось добиться также как историку-архивисту. Третьей стороной его научного творчества была подготовка научных переводов. Ю. П. Малинин сознательно игнорировал темы, связанные с ломкой научной методологии у нас и за рубежом, не включаясь в ожесточенные дискуссии, принимавшие зачастую ожесточенную форму. Тем не менее для творчества Ю. П. Малинина характерна приверженность идее о принципиальном противопоставлении материи и духа.

Статья написана при поддержке гранта РГНФ 16-01-00108а.

Ключевые слова: Филипп де Коммин, Кристина Пизанская, школа анналов, историография, методология, Франция, медиевистика, марксизм

Information on the article

Khachaturyan, N. A. Yu. P. Malinin. Tvorchestvo v parametrah prostranstva i vremeni [Yu. P. Malinin. Creative works in the time and space framework],

Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture. 2016. Vol. 2 (14). P. 9–30.

Nina Aleksandrovna Khachatryan

Doctor of History, professor of Medieval history, Faculty of History, Moscow State University (119192, Moskva, Lomonosovskiy prosp., 27, korp. 4)

The paper deals with the works of Yu. P. Malinin in the historiography context. The life of Yu. P. Malinin corresponds with the period when Marxism became a politicizing official methodology with its idea of principal domination of substructure over the superstructure. However, Russian historiography preserved the tradition of studying the Middle Ages' culture as a peculiar intertwining of religious and secular principles. Works by Yu. P. Malinin are analyzed as a glorious page in the history of Russian scholarship. Although Yu. P. Malinin had began his career with student thesis on the economic history of the Languedoc in the 16th century, later the researcher's interests shifted to the subjects related to social psychology. In 1979 Yu. P. Malinin defended a brilliant dissertation on the memoirs of Philip de Commines. In general, his interests were laid in three ways. His main specialization was history of the French intellectual culture of the 13–14th centuries. Secondly, he was a significant historian-archivist. And, at last, he realized himself as an academic translator. Yu. P. Malinin deliberately ignored methodological discussions, that were sometimes fierce, in SSSR and abroad. Although he was a Marxist historian who shared the idea of principal opposition between matter and spirit.

The article is written with support of Russian State Scientific Fund (project 16-01-00108a).

Key words: Philippe de Commines, Cristina Pisa, Annals School, historiography, methodology, France, medieval studies, Marxism

Список источников и литературы

Corpus des notes marginales de Voltaire. Berlin: Voltaire foundation. T. 4: G–K. 733 p.

Das Turnierbuch für René d'Anjou: Vollständige Faksimile-Ausgabe im Originalformat der Handschrift Codex Fr. F. XIV. Nr. 4 der Russischen Nationalbibliothek in St. Petersburg: 2 Bd. / Hrsg. von Y. P. Malinin, T. P. Voronova, et al. Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt, 1998. 167+iii, 48 S.

Malinin, Y. P. Das Werk «Le pas de Saumur von 1446» und sien Autor, in: *Das Turnierbuch für René d'Anjou: Vollständige Faksimile-Ausgabe im Originalformat der Handschrift Codex Fr. F. XIV. Nr. 4 der Russischen Nationalbibliothek in St. Petersburg* / Hrsg. von Y. P. Malinin, T. P. Voronova, et al. Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt, 1998. Bd. 1. S. 11–26.

Malinin, Y. P. Le «Pas de Saumur» (1446) et l'auteur de sa relation poétique, in: Porche: Bulletin de l'Association des Amis du Centre Jeanne d'Arc-Charles Péguy de Saint-Petersbourg, 2000. Vol. 6. P. 26–46.

«Пятнадцать радостей брака» и другие сочинения французских авторов XIV–XV веков / Отв. ред. Ю. Л. Бессмертный. Москва: Наука, 1991. 317 с.

Адо, Р. Плотин, или Простота взгляда / Под ред. Е. Штофф. Москва: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991. 140 с.

Антология педагогической мысли христианского средневековья: 2 тт. / Отв. ред. В. Г. Безрогов, О. И. Варьяш. Москва: Аспект-пресс, 1994.

Воронова, Т. П. Каталог писем государственных и политических деятелей Франции XV века из собрания П. П. Дубровского / Под ред. Ю. П. Малинина. Санкт-Петербург: Издательство Российской Национальной Библиотеки, 1993. 93 с.

Гуго Сен-Викторский. Семь книг назидательного обучения, или Дидактикон / Под ред. Ю. П. Малинина, В кн.: Антология педагогической мысли христианского средневековья / Отв. ред. В. Г. Безрогов, О. И. Варьяш. Москва: Аспект-пресс, 1994. Т. 2. С. 49–93.

Гуревич, А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. Москва: Высшая школа, 1970. 224 с.

Гуревич, А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». Москва: Индрик, 1993. 327 с.

Гутнова, Е. В. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе XI–XV вв. Москва: Наука, 1984. 352 с.

Кристина Пизанская. Из книги «О Граде Женском» / Под ред. Ю. П. Малинина, В кн.: «Пятнадцать радостей брака» и другие сочинения французских авторов XIV–XV веков / Отв. ред. Ю. Л. Бессмертный. Москва: Наука, 1991. С. 218–256.

Малинин, Ю. П. Общественно-политическая мысль позднесредневековой Франции XIV–XV вв. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2000. 232 с.

Малинин, Ю. П. Проблемы исторической психологии в современной французской историографии, В кн.: Франция в эпоху позднего средневековья: Материалы научного наследия / Отв. ред. Ю. П. Малинин. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2008. С. 319–327.

Малинин, Ю. П. Флорентийские связи и знакомство Филиппа де Коммина, В кн.: Франция в эпоху позднего средневековья: Материалы научного наследия / Отв. ред. Ю. П. Малинин. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2008. С. 307–318.

Письма Е. А. Косминского к Е. В. Гутновой (1941–1959 гг.), В кн.: Новая и новейшая история. 2002. № 1. С. 113–129.

Рукопись «Толкования на псалмы» П. Абеляра в собрании Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, В кн.: *Музеи в атеистической пропаганде*, 1980. С. 112–115.

Сидорова, Н. А. Очерки по истории ранней городской культуры во Франции. Москва: Издательство Академии наук, 1953. 503 с.

Сказкин, С. Д. Избранные труды по истории. Москва: Наука, 1973. 454 с.

Сказкин, С. Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. Москва: Наука, 1981. 298 с.

Смирин, М. М. Германия эпохи Реформации и Великой Крестьянской войны. Москва: Учпедгиз, 1962. 263 с.

Филипп де Коммин. Мемуары / Отв. ред. Ю. П. Калинин. Москва: Наука, 1986. 495 с.

Франция в эпоху позднего средневековья: Материалы научного наследия / Отв. ред. Ю. П. Калинин. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2008. 451 с.

References

Corpus des notes marginales de Voltaire. Berlin: Voltaire foundation. T. 4: G–K. 733 p.

Germaniya epokhi Reformatsii i Velikoy Krest'yanskoy voyny [Germany in the Age of the Reformation and the Great German Peasants' War]. Moskva: Uchpedgiz, 1962. 263 p. (in Russian).

Bezrogov, V. G., Var'yash, O. I. (Ed.). Antologiya pedagogicheskoy mysli khristianskogo srednevekov'ya [Anthology of Medieval Christian pedagogical thought]. 2 vols. Moskva: Aspekt-press, 1994 (in Russian).

Bessmertnyy, Yu. L. (Ed.). «Pyatnadsat' radostey braka» i drugie sochineniya frantsuzskikh avtorov XIV-XV vekov [«Les Quinze joies de mariage» and other works of French authors of the XIVth-XVth centuries]. Moskva: Nauka, 1991. 317 p. (in Russian).

Gurevich, A. Ya. Istoricheskiy sintez i Shkola «Annalov» [Historical synthesis and the Annales School]. Moskva: Indrik, 1993. 327 p. (in Russian).

Gutnova, E. V. Klassovaya bor'ba i obshchestvennoe soznanie krest'yanstva v srednevekovoy Zapadnoy Evrope (XI–XV vv.) [Class conflict and Social consciousness of peasantry in Medieval Western Europe (XI–XV centuries)]. Moskva: Nauka, 1984. 352 p. (in Russian).

Gurevich, A. Ya. Problemy genezisa feodalizma v Zapadnoy Evrope [Problems in the Origins of Feudalism in Western Europe]. Moskva: Vysshaya shkola, 1970. 224 p. (in Russian).

Malinin, Y. P. Das Werk «Le pas de Saumur von 1446» und sien Autor, in: *Malinin, Y. P.; Voronova, T. P.; Elagina, H. A.* (Hrsg.) *Das Turnierbuch für René*

d'Anjou: Vollständige Faksimile-Ausgabe im Originalformat der Handschrift Codex Fr. F. XIV. Nr. 4 der Russischen Nationalbibliothek in St. Petersburg. Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt, 1998. Bd. 1. S. 11–26.

Malinin, Yu. P. Florentiyskie svyazi i znakomstvo Filippa de Kommina [The Florentine connections of Philippe de Commines], in: *Malinin, Yu. P.* (Ed.). *Frantsiya v epokhu pozdnego srednevekov'ya: materialy nauchnogo naslediya.* Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo SPbGU, 2008. P. 307–318 (in Russian).

Malinin, Y. P. Le «Pas de Saumur» (1446) et l'auteur de sa relation poétique, in: *Porche: bulletin de l'Association des Amis du Centre Jeanne d'Arc-Charles Péguy de Saint-Petersbourg*, 2000. Vol. 6. P. 26–46.

Malinin, Yu. P. Obshchestvenno-politicheskaya mysl' pozdnesrednevekovoy Frantsii XIV–XV vv. [Political philosophy in Late Medieval France]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo SPbGU, 2000. 232 p. (in Russian).

Malinin, Yu. P. Problemy istoricheskoy psikhologii v sovremennoy frantsuzskoy istoriografii [The problems of historical psychology in recent French historiography], in: *Malinin, Yu. P.* (Ed.). *Frantsiya v epokhu pozdnego srednevekov'ya: materialy nauchnogo naslediya.* Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo SPbGU, 2008. P. 319–327 (in Russian).

Malinin, Yu. P. (Ed.). *Frantsiya v epokhu pozdnego srednevekov'ya: materialy nauchnogo naslediya* [Late Medieval France]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo SPbGU, 2008. 451 p. (in Russian).

Malinin, Yu. P. (Ed.). *Voronova, T. P.* Katalog pisem gosudarstvennykh i politicheskikh deyateley Frantsii XV veka iz sobraniya P. P. Dubrovskogo [The Catalogue of letters of Statesmen and Politicians of the XVth-century France in the P. P. Dudrovsky's collection]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Rossiyskoy Natsional'noy Biblioteki, 1993. 93 p. (in Russian).

Malinin, Y. P., Voronova, T. P., et al. (Hrsg.). *Das Turnierbuch für René d'Anjou: Vollständige Faksimile-Ausgabe im Originalformat der Handschrift Codex Fr. F. XIV. Nr. 4 der Russischen Nationalbibliothek in St. Petersburg.* 2 vols. Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt, 1998. 167+iii, 48 S.

Malinin, Yu. P. (Trans.). *Christine de Pizan.* Iz knigi «O Grade Zhenskom» [From «The Book of the City of Ladies»], in: *Bessmertnyy, Yu. L.* (Ed.). «Pyatnadsat' radostey braka» i drugie sochineniya frantsuzskikh avtorov XIV–XV vekov. Moskva: Nauka, 1991. P. 218–256. (in Russian).

Malinin, Yu. P. (Trans.). *Geoffroi de La Tour Landry.* Iz «Knigi rytsarya Delatur Landri, napisannoy v nazidanie ego docheryam» [Livre pour l'enseignement de ses filles du Chevalier de La Tour Landry], in: *Bessmertnyy, Yu. L.* (Ed.). «Pyatnadsat' radostey braka» i drugie sochineniya frantsuzskikh avtorov XIV–XV vekov. Moskva: Nauka, 1991. P. 273–279 (in Russian).

Malinin, Yu. P. (Trans.). *Hugh of Saint Victor*. Sem' knig nazidatel'nogo obucheniya ili Didaskalikon [Didascalicon de studio legendi], in: *Bezrogov, V. G., Var'yash, O. I.* (Ed.). *Antologiya pedagogicheskoy mysli khristianskogo srednevekov'ya*. Moskva: Aspekt-press, 1994. T. 2. P. 49–93 (in Russian).

Malinin, Yu. P. (Trans.). *Philippe de Comynes*. Memuary [Mémoires]. Moskva: Nauka, 1986. 495 p. (in Russian).

Rukopis' «Tolkovaniya na psalmy» P. Abelyara v sobranii Gosudarstvennoy publichnoy biblioteki im. M.E.Saltykova-Shchedrina [The manuscript of Abelard's «Expositio super Psalterium» in Saltykov-Shchedrin State Public Library], in: *Muzei v ateisticheskoy propagande*, 1980. P. 112–115 (in Russian).

Pis'ma E. A. Kosminskogo k E. V. Gutnova [Letters from E. A. Kosminskiy to E. V. Gutnova], in: *Modern and Contemporary history*, 2002. № 1. P. 113–129. (in Russian).

Shtoff, E. (Trans.). *Hadot, P.* Plotin, ili Prostota vzglyada [Plotin ou la Simplicite du regard]. Moskva: Greko-latinskiy kabinet Yu. A. Shichalina, 1991. 140 p. (in Russian).

Sidorova, N. A. Ocherki po istorii ranney gorodskoy kul'tury vo Frantsii [On the history of early urban culture in the Medieval France]. Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk, 1953. 503 p. (in Russian).

Skazkin, S. D. Izbrannye trudy po istorii [Selected historical Essays of S. D. Skazkin]. Moskva: Nauka, 1973. 454 p. (in Russian).

Skazkin, S. D. Iz istorii sotsial'no-politicheskoy i dukhovnoy zhizni Zapadnoy Evropy v srednie veka [History of social-political and cultural life of Western Europe in the Middle Ages]. Moskva: Nauka, 1981. 298 p. (in Russian).